

Рано утром Цин И приняла ванну, а затем принесла приготовленные бумагу для талисманов, свечи и другие принадлежности к большому камню возле дома.

— Учитель, дома осталось немного бумаги, я нарисовала только это, так что смиритесь.

Лёгкий ветерок разносил её звонкий голос, пока она, разговаривая сама с собой, держала в руках тонкую жёлтую бумагу. Через некоторое время бумага чудесным образом исчезла у неё в руках.

— Цин И, малышка, ты уже сожгла много, оставь что-нибудь для меня, старика.

Пожилой человек с тростью внезапно появился на камне, его рост был примерно с ладонь. Он с сожалением смотрел, как одна за другой жёлтые бумаги исчезали в другом мире.

— Оставь мне хоть немного, ой-ей, этот старик уже получил достаточно.

Цин И остановилась, слегка нахмутив брови:

— Ты же бог земли, а не умерший, зачем тебе эта бумага?

С этими словами она сожгла оставшуюся стопку бумаги особым способом.

— Уууу...

Порыв ветра пронёсся, и безымянный дым закружился, прежде чем исчезнуть.

Цин И, увидев это, не могла сдержать смеха.

— Вот злость берёт!

Бог земли бросил трость, сел на землю и, как ребёнок, которому не дали конфету, начал плакать и требовать еды.

Цин И, не выдержав шума, согласилась нарисовать ему талисман:

— Только учти, твоё состояние отличается от состояния моего учителя, я нарисую тебе что-то другое, хорошо?

— Хорошо.

Получив обещание, бог земли с громким звуком превратился обратно в добродушного старика с тростью.

— Но я хочу вкусный талисман, можно?

Цин И кивнула.

— Тогда я завтра приду.

Бог земли улыбнулся.

— Цин И, ты лучшая.

С этими словами он снова исчез.

Появился и исчез, как призрак, готовый на всё ради еды.

Цин И вздохнула. Собираясь уйти, она почувствовала, как кто-то коснулся её ноги.

Она посмотрела вниз и увидела маленького бумажного человечка, присела на корточки.

— Девятый?

Учитель ушёл, оставив ей девять маленьких бумажных человечков, зачарованных для компании, и этого бога земли, который время от времени приходил за съедобными талисманами. Благодаря им она не чувствовала себя одинокой.

— Не грусти.

Девятый пошевелил рукой, и маленький лист бумаги обернулся вокруг Цин И, согревая её теплее, чем её собственная температура.

— Девятый, ты хороший.

Первые месяцы после смерти учителя Цин И действительно грустила, но сейчас она уже не чувствовала сильной печали. Ведь время от времени, когда она сжигала благовония, она получала ответ, что учитель в другом мире живёт хорошо. К тому же, учитывая характер и способности её учителя, мало кто мог бы сделать его жизнь несчастной.

Войдя в дом, она увидела, как несколько бумажных человечков, занятых своими делами, подбежали к ней и начали карабкаться на неё, занимая разные места на её теле. В конце концов, самый быстрый из них, Первый, забрался на макушку и, ухватившись за волос, устроился там.

— Старик ушёл так давно, а ты всё ещё грустишь, это уже слабо.

Первый недавно научился пользоваться интернетом, и его любимым словом стало «слабо».

Второй и Третий, занявшие её плечи, были гораздо мягче. Они терлись своими головками о щеки Цин И.

Второй, сидящий на левом плече, сказал:

— Мы с Третьим приготовили немного сладостей, хочешь попробовать?

Третий кивнул в подтверждение.

— Конечно.

Цин И шла медленно, чтобы бумажные человечки не упали.

На круглом столе стояла маленькая тарелка с угощениями, украшенными изображениями различных животных: обезьян, кроликов и других, все они выглядели очень живо.

Первый не выдержал и, скрестив руки, сказал:

— Это я нашёл в интернете, иначе Второй и Третий не смогли бы сделать такие.

— Первый, ты молодец.

Цин И погладила Первого на макушке, взяла кусочек угощения, прожевала и, проглотив, посмотрела на Второго и Третьего на своих плечах, похвалив:

— Второй и Третий, ваши сладости действительно вкусные, сладкие, но не приторные, и очень рассыпчатые.

— Девятый тоже хочет.

Услышав аромат, Девятый, который уже заснул в кармане, быстро вылез и побежал к столу, где начал грызть кролика, который был больше его головы.

Бумажные человечки не нуждались в еде, но некоторые из них любили поесть, поэтому Цин И добавила Девятому обоняние, чтобы он мог наслаждаться едой.

Цин И и бумажные человечки не могли сдерживать смеха.

*

Цин И обещала богу земли приготовить вкусный талисман и не собиралась нарушать своё слово.

На следующее утро она вместе с Четвёртым и Пятым, у которых было более острое обоняние, отправилась собирать материалы для «съедобного талисмана».

Основные чернила и киноварь у неё были в достатке, но для «съедобного талисмана» требовалось добавить в киноварь особую ароматную специю, чтобы запах распространялся по всей бумаге.

Цин И сделала несколько таких талисманов только в начале, когда экспериментировала, потому что этот материал было очень трудно найти. К тому же такие талисманы были бесполезны: умершие их не ели, а живые не получали от них эффекта. Она давно перестала их делать, и если бы не бог земли, она бы вообще забыла о них.

— Четвёртый, Пятый, вы помните материал, который я использовала для «съедобного талисмана»? Теперь богу земли нужно, постарайтесь найти его снова.

Цин И привела Четвёртого и Пятого на заднюю гору, где её учитель посадил много растений.

Увидев траву и цветы, достигающие ей до колен, Цин И пожалела, что так легко согласилась.

— Знаем.

Четвёртый и Пятый, как и все бумажные человечки, обладали отличной памятью и почти сразу вспомнили нужное.

Трое разделились, Четвёртый и Пятый с радостью спрыгнули с Цин И и, как лилипуты в стране великанов, начали пробираться среди растений, которые были в несколько раз выше их.

Цин И с корзиной за спиной начала медленно искать с другой стороны.

Этот материал не был описан в книгах, и Цин И могла только сравнивать его с тем, что помнила. Его запах был уникальным, напоминал аромат лимона, но сок из листьев был сладким.

После двух-трёх часов поисков она ещё не нашла нужное растение, но корзина уже была наполнена несколькими стеблями разной формы.

Ближе к полудню солнце почти достигло зенита.

Цин И, нахмурившись, остановилась и протянула руку, почувствовав, что горячий ветер стал более влажным. Она убрала маленькую лопатку.

— Четвёртый, Пятый, пора домой.

Через некоторое время Четвёртый и Пятый подбежали, покрытые грязью.

— Мы ещё не закончили поиски, зачем домой?

Цин И присела и протянула левую руку, и двое бумажных человечков забрались на неё.

— Поднимается ветер.

Четвёртый и Пятый переглянулись, немного смутившись, но, доверяя Цин И, не стали спрашивать дальше, стряхивая грязь с ног и тел.

Цин И, глядя на грязные ладони, слегка нахмурилась.

— В следующий раз, возможно, я сделаю вам обувь.

Смущённые Четвёртый и Пятый поспешно обняли её пальцы. В следующее мгновение Цин И провела правой рукой, и маленький вихрь сдул грязь с ладони.

— Пойдём домой.

Цин И просто подшутила над ними, ведь бумажные человечки обычно не пачкаются, за исключением особых обстоятельств.

Оглянувшись на пышную заднюю гору, Цин И вздохнула и ушла.

Вскоре после её ухода из земли начали подниматься клубы дыма.

*

Как и предсказывала Цин И, начался дождь.

Как только она вошла в дом, солнце скрылось за облаками, и вскоре начался сильный ливень.

— Одежду убрали?

Цин И поставила Четвёртого и Пятого на пол и спросила Шестого, который лежал на книге.

— Седьмой убирает.

Шестой, погружённый в чтение, держал в руке что-то вроде платка, вытирая слёзы, и, не отрываясь, ответил, перелистывая страницу.

Книга была не толстой, но гораздо больше, чем Шестой. Цин И подошла.

— Что читаешь?

— Великую историю любви.

Шестой снова вытер уголок глаза.

Бумажные человечки, даже обладая некоторыми чувствами и обонянием, не могли плакать.

Цин И посмотрела на обложку, где было написано: «Лян Шаньбо и Чжу Интай».

— Как же им было тяжело! Они любили друг друга, но не могли быть вместе, а потом их могилы разорвали молнией, и теперь им даже некому сжечь бумажные деньги. Это так печально.

С этими словами Шестой снова вытер глаза.

<http://bllate.org/book/15512/1377891>